

Основная масса переселенцев, несмотря на то, что их пугали возможными репрессиями по возвращении в Союз, вернулась на родину. Известно, что эшелоны с возвращающимися ингерманландскими финнами прошли мимо мест их прежнего обитания — они были направлены в Подмоскowie, Калининскую, Ярославскую области и другие места. Переписи показали, что на территории Ленинградского обл. в 1980-е годы жила треть от общего числа ингерманландских финнов в СССР. Примерно такое же количество их проживало в Эстонии и Карелии.

Потери, как материальные, так и моральные, которые понес этот народ в военные годы, вряд ли можно оценить в каких-то единицах измерения.

### Примечания

<sup>1</sup> Inkerin suomalaisen historia. Jyvaskyla, 1969.

<sup>2</sup> Tuuli E. Inkeriläisten vaellus. Inkeriläisten vaeston siirto 1941—1945. Juva, 1988; Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990.

<sup>3</sup> Nevalainen P. Op. cit. P. 32.

© 1996 г., ЭО, № 5

Н. Э. Масанов. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). Алматы; Москва, 1995. 317 с.

В шумной и недружной семье публикаций о кочевых народах произошло весьма существенное прибавление: вышел в свет новый труд известного казахского историка и этнографа Н. Э. Масанова, посвященный проблемам хозяйственной деятельности и социально-экономических отношений кочевых казахов в XVIII — начале XX вв., который несомненно станет заметной вехой в истории изучения кочевничества.

Как известно, структура хозяйства и особенно система социально-экономических отношений кочевников уже много десятилетий, начиная с 30-х годов нашего века, составляют в русскоязычной литературе предмет острейшей, крайне политизированной дискуссии. В ее ходе многие авторы пытались, хотя и разными путями, обосновать у кочевников наличие государственности, той или иной формы феодальных отношений.

В 60-х годах была предложена принципиально новая концепция, согласно которой общественный строй кочевников на всем пути их исторического развития определялся как особый «патриархально-кочевой» способ производства, несовместимый ни с развитыми классовыми феодальными отношениями, ни с государственностью<sup>1</sup>.

В рассматриваемой книге ее автор по-своему развивает далее эту концепцию и, подвергая сокрушительной критике взгляды сторонников наличия у кочевников феодализма и государственности, рисует затем на основе обильного фактического материала детальную, хотя и не во всем бесспорную, картину основ жизнедеятельности и социального строя кочевых казахов, уделяя при этом внимание и общим проблемам теории кочевничества.

Что касается источниковой базы, то тут, можно сказать, труд Н. Э. Масанова безупречен. Очень значителен архивный материал, многие публикации дореволюционных авторов, на которые ссылается исследователь, до сих пор не привлекались в научных работах. При этом использование свидетельств источников достаточно корректно, если не считать одной методической погрешности, а именно — привлечение в отдельных случаях относительно поздних данных конца XIX и начала XX в. для попыток обоснования ряда выводов о явлениях, связанных хронологически с более ранними этапами в истории кочевничества и, в частности, казахов. Сказать об этом необходимо, так как такого рода подход делает уязвимыми для критики некоторые, в целом весьма существенные, выводы автора.

Автор рецензируемой книги уже давно выделяется среди этнографов и историков, пишущих на русском языке, своим особым «эколого-историческим» подходом к исследованию кочевничества, что можно только приветствовать. Такой подход позволяет освободиться от ряда гипотез прошлого, сделанных на основе сухих умозрительных рассуждений, и дает возможность во многом по-новому посмотреть на различные аспекты хозяйственной деятельности кочевников. «Экологический» подход весьма широко представлен в трудах многих зарубежных авторов, изучавших кочевников, однако часто в чисто условном, формальном, оторванном от жизни виде, что лишает их выводы убедительности. Методика, используемая Н. Э. Масановым, в целом освобождена от этого недостатка, что хорошо видно из первых двух глав его книги: «Кочевничество и среда обитания» и «Природа и кочевое население Казахстана». В отношении этих глав достаточно сказать, что содержащиеся в них выводы имеют значительную научную ценность, и столь убедительно аргументированы, что практически открывают новую страницу в истории изучения кочевого скотоводства в русскоязычной литературе.

Самое отрадное впечатление производят историографические экскурсы и отношение Н. Э. Масанова к своим предшественникам, что выгодно отличает его от некоторых авторов новейших работ по кочевничеству, очевидно, что замалчивание или искажение взглядов других ученых возвышают

их собственные достижения<sup>2</sup>. Хотя попутно нельзя не заметить, что в этом отношении и автор рассматриваемого труда не всегда безгрешен<sup>3</sup>. Очевидно, к сожалению, такова уже судьба «кочевниковедения».

Полностью хочется поддержать одну из главных установок Н. Э. Масанова, что «функционирование кочевого скотоводческого хозяйства как особого типа производственной деятельности во многом детерминировалось географической средой» (с. 21). И действительно, игнорирование этого бесспорного обстоятельства, что было характерно для очень многих советских исследователей конца 20-х — 60-х годов, было причиной многих недоразумений в нашей науке. При этом следует подчеркнуть, что если некоторые авторы и ранее писали о том, что номуадизм являлся в прошлом единственно возможным способом приспособления к аридной среде, то Н. Э. Масанов делает важное дополнение к этому положению, распространяя его и на наши дни (с. 22). Не вызывает в целом возражений изложение генезиса и эволюции кочевничества, за исключением одной очень спорной проблемы, а именно: каковы были отправные условия, предшествовавшие началу номуадизма. Автор пишет: «На наш взгляд, именно охота стала той ступенькой, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номуадизму...» (с. 35). Что касается роли охоты в возникновении этой отрасли производящего хозяйства, то многие исследователи придавали ей в прошлом чуть-ли не решающее значение, хотя большинство современных авторов стоит на других позициях<sup>4</sup>. Можно считать установленным, что зона предгорий влажных и сухих субтропиков, где было начато одомашнивание животных на начальных этапах неолитической эпохи, длительное время оставалась местом господства комплексного хозяйства, в котором первое время важное место занимали традиционные виды присваивающей деятельности: охота и собирательство. Однако со временем, и это отмечается в рецензируемой книге, вследствие разных причин стало происходить существенное изменение природной среды, что вынудило людей искать новых способов добывания средств существования. В частности, это проявилось в усилении значения животноводства. На его основе возникало пастушество, при котором охота не потеряла своего значения, однако уже не была той отраслью, которая определяла дальнейшее хозяйственное развитие. Удлинение пастушеских маршрутов привело в конечном счете к сложению в I тыс. до н. э. кочевничества<sup>5</sup>.

И теперь об одной кардинальной мысли, проходящей красной нитью через все исследование Н. Э. Масанова. А именно, о путях эволюционного (впрочем, не только эволюционного — Г. М.) развития номуадизма. Так, на с. 42 (и о том же говорится вплоть до заключительных страниц исследования) автор пишет: «... следует отказаться от мысли, что эволюционное развитие номуадизма завершится оседанием». И далее: «Процессы седентаризации могли иметь место только за пределами ареальных экосистем — в маргинальных зонах, либо в оседло-земледельческих ареалах». В принципе эта концепция не совсем нова и уже не раз высказывалась в зарубежной литературе в связи с так называемой «теорией конвергенции»<sup>6</sup>. Но отечественные авторы предшествовавших десятилетий не могли решиться на такую «крамолу» и твердили о прогрессивности процесса оседания кочевников. Теоретически вывод Н. Э. Масанова совершенно верен, хотя, что делать с номуадами на практике, никто не знает и сегодня, так как призывы к их интеграции в структуры современных обществ остаются пока пустым звуком, а многочисленные программы по реализации этой идеи до сих пор терпели крах, например, в Судане и Эфиопии, не говоря уж о регионах подвижного скотоводства на территории бывшего СССР. Но, что бесспорно, так это заключение Н. Э. Масанова о том, что с пламенными призывами перевести кочевых скотоводов на оседлый образ жизни пора покончить, как из соображения блага самих номуадов, так и спасения заселяемых ими областей аридной зоны.

Совершенно по-новому ставит Н. Э. Масанов вопрос о принципах типологии кочевого скотоводства, уже многократно обсуждавшийся в работах других исследователей. Так, Н. Э. Масанов полагает, что «... мы можем положить в основу типологической характеристики кочевого скотоводства всеобщий и универсальный признак-условие — систему водообеспечения и водопользования» (с. 79). В связи с этим говорится о двух типах скотоводческого хозяйства: «... во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования» (с. 80). Эта новая гипотеза несомненно заслуживает самого пристального внимания, однако полагаю, что далеко не все исследователи согласятся с таким мнением, и прежде всего потому, что такая типология применима далеко не ко всем регионам распространения кочевничества и не исчерпывает всех характерных признаков номуадизма<sup>7</sup>. Особенно это относится к скотоводческим народам, использующим оба типа водоснабжения.

Значительное место в своем труде Н. Э. Масанов посвящает проблемам общественной организации и общественным отношениям кочевых народов в целом, и казахов в частности. Об этом говорится во II части книги, заслуживающей особенно детального разбора вследствие обширности поднимаемых автором фундаментальных проблем и значимости предлагаемых научных выводов.

Первое, на чем останавливается Н. Э. Масанов, это община и территориально-общинная организация. Рассматриваются различные взгляды на существо этих элементов общественной структуры, в связи с чем делается достаточно, на мой взгляд, бесспорный вывод, что «кочевая община... это прежде всего функционально интегрированная организация трудящихся индивидов, социальное образование, основанное на принципах трудовой кооперации. В основе жизнедеятельности общины находился главным образом фактор обеспечения процесса производства совместными усилиями трудящихся индивидов» (с. 134, 135). Конечно, можно было бы сказать, что такое определение несколько узко, что община имела и иные функции — военные, обрядовые и т. п. Но, во-первых, автор справедливо указал на фундаментальный признак общины, а во-вторых, далее он достаточно полно характеризует и все прочие функции кочевой общины.

В соответствии с особенностями производственного процесса в разные сезоны года и в различных условиях, Н. Э. Масанов выделяет два типа общин: «минимальный», существовавший в условиях ограниченности кормовых ресурсов для животных, и «расширенный», складывавшийся в теплое

изобильное время года. Полностью можно согласиться с автором, когда он пишет, что община в целом характеризуется наличием у ее членов частной собственности на скот и общинной *собственностью* (подчеркнуто мною — Г. М.) на землю. А минимальная община «являлась не только функционально интегрированным организмом, но и единицей землевладения и землепользования, общественно-экономическим институтом по наиболее рациональной организации процесса производства и обеспечению скота кормовыми ресурсами» (с. 140, 141). Соглашаясь с высказанными мыслями, хочу, однако, остановиться на терминологической стороне, на подчеркнутом мною понятии «собственность», постоянно употребляемом Н. Э. Масановым в связи с имущественными отношениями в кочевых обществах. Думается, что «собственность», как экономические и социальные отношения, возникающие в процессе жизнедеятельности, обязательно предполагает некоторые обязательные условия: закрепление предмета владения за собственником, право продажи, обмена, наследования, залога и т. п. Между тем, у номадов, за исключением отдельных случаев, относящихся к тому же главным образом к позднейшим этапам существования кочевничества в условиях подчинения их земледельческим государствам, такого рода отношения в связи с пастбищной землей, особенно летовками, источниками не фиксируются. Поэтому вернее было бы использовать понятия: применительно к зимовкам — «владение», летовкам — «пользование».

Некоторые замечания можно сделать и по поводу отдельных терминов, связанных с социальной организацией. Так, на с. 144 и след. автор неоднократно использует понятия «патронимическая и социально-потестарная», а также «родоплеменная» организация. Что касается «патронимии», то представляется, что это надуманный термин, вне несущий в себе смысловой нагрузки, что было в свое время отмечено Ю. И. Семеновым<sup>8</sup>. Неоднократно приходилось писать и о «родоплеменной организации», что использование термина «род» применительно к кочевничеству приводило многих авторов к попыткам найти у номадов «родовые» — первобытные «перезитки». И, как часто это случается, их «находили». Хотя в действительности номады, в том числе и казахи, столь давно вышли из состояния первобытности, что полностью изгладилась память о далеком прошлом, и «первобытным» остался лишь термин, используемый авторами. Вообще, принципы общественной организации кочевников излагаются в рассматриваемой книге не везде достаточно четко, что особенно заметно на с. 146 в таких, в частности, формулировках: «Главной причиной преобладания у кочевников генеалогической системы родства являлось то, что основным каналом жизнеобеспечения у них был диахронный способ передачи информации и собственности». Или: «Иначе говоря, номадный образ жизни был возможен только на базе унаследованной собственности (скота и имущества) и высочайшей квалификации кочевника и скотовода, которые могли быть приобретены исключительно от своих предков, и знаний, аккумулируемых, сохраняемых и преумножаемых многими поколениями кочевников. При иной направленности информационных потоков (? — Г. М.) кочевничество в принципе невозможно. Отсюда приоритет генеалогического родства и генеалогического принципа позиционирования индивидов в пространстве». Существо генеалогического принципа организации общества кочевников уже давно было предметом исследования, и его основы сформулированы во многих публикациях в более удобопонятном виде. Ясно желание молодого автора внести в проблему нечто новое. Но зачем все усложнять до «информационных потоков» и «позиционирования индивидов»? Кроме того, в определении, предлагаемом Н. Э. Масановым, содержатся некоторые сомнительные, на мой взгляд, утверждения. Так, нельзя согласиться с тем, что номадный образ жизни был возможен только на базе «унаследованной собственности». Хорошо известно, что скот мог приобретаться и теряться самыми разными путями, далеко не всегда «наследственными», чему достаточно доказательств содержится в рецензируемой книге. Генеалогическая система родства была единственно возможной основой организации общества кочевников, обеспечивавшей жизнестойкость и воспроизводство кочевого общества в экстремальных условиях, присущих номадизму.

Автор предлагает классификацию подразделений племенной организации в виде «низших» и «крупных», «патронимических» и «ассоциативных» групп (с. 149, 150). Если оставить в стороне терминологию, о чем уже говорилось, принципы, положенные Н. Э. Масановым в основу такого рода классификации, могут быть одобрены. То же самое можно сказать и относительно выделяемой им «военно-потестарной организации» (с. 155). Существо такого рода организации определено совершенно верно. Однако уже ранее эти виды общественной организации рассматривались в литературе и предлагалось классифицировать их в виде «общинно»- и «военно»-агрегатных состояний. Едва ли особенно удачно именование последнего «военно-потестарной» организацией. Термин «потестарность» был сравнительно недавно заимствован некоторыми авторами из иностранной литературы в связи с земельными народами тропиков, и применительно к номадизму вследствие своей неопределенности и искусственности ничего не дает в сравнении с употребляемыми обычно понятиями «общинно»- и «военно»-племенная структура.

В принципе все эти замечания второстепенны. Но что особенно важно, и что следует всячески подчеркнуть, это совершенно верные выводы Н. Э. Масанова относительно фундаментальных принципов общественной организации кочевых скотоводов. По этому поводу он констатирует на с. 160 отсутствие у всех номадов «сколько-нибудь развитых форм власти и ее институциональной формы — государственности». Это обстоятельство автор справедливо объясняет малой плотностью населения, отсутствием городов и оседлых поселений, неразвитостью разделения труда и иными факторами. Поэтому можно полностью согласиться с хотя и не совсем новым выводом о том, что «... в общественно кочевнических ареалах неизвестно ни одного случая возникновения государственности. Военно-потестарные организации (автор имеет в виду, очевидно, так называемые „кочевые империи“ — Г. М.) не могут считаться государственными образованиями».

При том, что практически все разделы рассматриваемой книги можно оценить как серьезное, во многом новаторское исследование, особенное внимание привлекают богатством материала и аргу-

ментированностью VII—IX глав, в которых содержится детальный анализ общественных отношений кочевых казахов в рассматриваемое время, имеющий несомненное теоретическое значение при исследовании закономерностей социальных отношений у всех кочевников.

Серьезное внимание автор уделяет исследованию отношений собственности на основные средства производства, широко привлекая данные по обычному праву. Интересны, хотя и не бесспорны соображения, высказываемые при этом относительно того, чем следует считать пастбища — чисто природным явлением, на котором «паразитируют» кочевники, или плодом антропогенной деятельности. Рассматривая взгляды, высказывавшиеся по этому поводу в литературе, Н. Э. Масанов приходит в конечном счете к выводу, что «в действительности... пастбищные угодья кочевников являлись продуктом человеческой деятельности. Это обуславливалось тем, что они с момента возникновения кочевничества уже не являлись ни „естественным травостоем“, ни „диким пастбищем“, а носили антропогенный характер. И поэтому они были не только средством, но и предметом труда...» (с. 161). Едва ли можно полностью согласиться с мнением, что пастбища были «продуктом» человеческой деятельности. Траву не сеяли, не орошали, и как предмет труда пастбища можно рассматривать только в отношении рационального ведения выпаса животных. К тому же, как быть с пастбищами, которые использовались скотоводами впервые?

Значительно существеннее выводы автора о том, что «... в процессе производства и земля, и скот в кочевой среде выступали в органическом единстве, неразрывной целостности, а их общность образовывала основные средства производства» (с. 162). С этим выводом можно полностью согласиться, тем более, что он не нов в кочевниковедении<sup>10</sup>. В той же мере справедливыми представляются и слова Н. Э. Масанова, когда он пишет, что «у кочевников-казахов скот был объектом индивидуальной собственности, но как правило в частносемейной форме» (с. 164), тогда как «пастбища — в общинной собственности» (с. 166). Попутно следует только заметить, что как уже сказано выше, корректнее говорить не о «собственности», а о «владении» зимниками и «пользовании» летниками.

Относительно пастбищ в кочевой среде казахов автор на с. 167, безоговорочно утверждает, что «практически ни одна из... социальных групп не обладала монополией ни на землю, ни на воду». И далее: «Таким образом мы вправе заключить, что с общинноправовой точки зрения в системе производственных отношений не существовало каких-либо условий монополизации средств производства: земли и воды в большей степени, скота — в меньшей» (с. 168). Это важное подтверждение к уже известным теоретическим положениям в области социально-экономических отношений в кочевых обществах<sup>11</sup>.

Менее обоснованным представляется вывод Н. Э. Масанова, когда он, переходя к рассмотрению отношений собственности в процессе производства, утверждает, противореча сказанному им же выше, что «следует иметь в виду абсолютную объективность и закономерность процесса присвоения пастбищных угодий в собственности классов богатых скотовладельцев, которое, как правило, не сознавалось даже самими кочевниками» (с. 174). То, что богатые скотовладельцы, располагая значительными стадами скота, использовали путем обычая «первозахвата» наибольшие и наилучшие участки пастбищ, бесспорно. Но если это не «сознавалось» прочими скотоводами, то это означает, что их коренные интересы практически не затрагивались. К тому же говорить в данном случае о монополии класса вряд ли справедливо, так как в условиях нестабильности кочевого хозяйства богатство и бедность скотом не были постоянной величиной, и вчерашний богач мог завтра стать бедняком, так что говорить о сложении каких-то классов едва ли можно, тем более, что и жилищные хозяйства очень различались по размерам и состоятельности.

Как в отношении использования пастбищ, так и распределения собственности на скот в условиях «номадного способа производства» (с. 182), трудно согласиться с терминологией, а в конечном счете и с категоричностью выводов Н. Э. Масанова, когда он пишет, что «тем самым процесс производства совершенно объективно определял монополию класса богатых скотовладельцев как на средства производства (скот, землю, воду), так и на сам процесс производства...» (с. 184).

Думается, что в системе аргументации автора можно найти по крайней мере два уязвимых места. Во-первых, рассуждения Н. Э. Масанова относятся как бы к вневременному пространству и не учитывают происходивших в казахском обществе исторических изменений. А они были очень значительными за те века, о которых идет речь. И, конечно, то, что наблюдалось в хозяйстве и социальных отношениях казахов в начале XVIII в., выглядело существенно иначе в середине, а тем более в его конце, в XIX и начале XX в. Поэтому то, что справедливо в выводах автора для начала XX в., не может быть безоговорочно распространено на более раннее время, а тем более на все кочевничество в целом, когда ни о каком «классовом» расслоении и речи не может идти.

Другое слабое место заключается в том, что Н. Э. Масанов, так же как в свое время С. Е. Толыбеков<sup>12</sup>, как бы «забыл» о социальном слое средних по зажиточности, хозяйственно самостоятельных скотоводов. Между тем, если в самом конце XIX и начале XX в., (а данными именно об этом времени пользуется в основном автор) слой «средняков» катастрофически сокращался, то в более раннее время он был не только значителен, но даже преобладающ. Поэтому говорить о какой-либо «монополии» особенно богатых скотовладельцев на пастбища и скот в более ранние исторические периоды не приходится.

Совершенно справедливо Н. Э. Масанов опровергает точку зрения тех авторов, которые бездоказательно утверждали, что у кочевников формы зависимости определялись главным образом внешнеэкономическими факторами. В связи с этим исследователь приходит к верному выводу: «На наш взгляд преобладали, главным образом, экономические формы зависимости» (с. 189). Исключения составляли отдельные исторические эпохи крупных миграций кочевых скотоводов, или когда возникали эфемерные «кочевые империи». Тогда жизненно важная необходимость военной субординации и сохранения порядка создавала на время иные, внешнеэкономические отношения не столько зависимости, сколько подчинения.

Едва ли, однако, можно согласиться с Н. Э. Масановым, когда он утверждает, что в связи с экономической зависимостью и особенностями распределения прав собственности на основные средства производства «... мы вправе говорить о функционировании класса непосредственных производителей, с одной стороны, и класса собственников основных средств производства, — с другой» (с. 192). Если не касаться здесь термина «класс», то такого рода отношения, возможно, и складывались в части казахского общества в начале XX в. Но для более раннего времени такое утверждение представляется по меньшей мере преувеличенным. Поэтому такой вывод — не обобщение, а частный результат. Если уж идет речь о «классах» и резкой дифференциации общества, то объяснить отсутствие классовой борьбы (а ни на одном этапе истории казахского народа, как и других кочевников мира, она не отмечается источниками внутри номадных обществ) «...геронтократической ориентацией идеологических постулатов...», как это делает автор, невозможно (с. 193). Точно так же, как и утверждение, что «... специфика номадного способа производства „снямала“ острогу классовых антагонизмов и определяла мирное сосуществование различных классов» (с. 209). Но в таком случае понятие «класс» предстает в каком-то совершенно новом виде, так как в обычном понимании наличие классов предполагает классовые противоречия, борьбу, а вовсе не мирное сосуществование. В связи с этим хотелось бы высказать еще одно соображение относительно терминологии. Раз Н. Э. Масанов во многих местах своей работы говорит об особом «номадном» способе производства, то, вероятно, следовало подумать и о необходимости создания нового категориального аппарата, вместо использования понятий, выработанных и применяющихся для обществ, стоящих на совершенно ином, чем кочевники, уровне общественного развития. Думается, что это настоятельная необходимость. И, очевидно, в первую очередь речь должна идти не о «классах», а каких-то иных общественных слоях, группах социально-дифференцированной структуры в условиях особого номадного способа производства.

Одним из наиболее важных и заслуживающих внимания разделов книги следует считать IX главу — о стадийной идентификации кочевого общества, — открывающуюся разделом о его формационной характеристике. В связи с исследованием этой проблемы дается краткая, но емкая историографическая справка о существующих в литературе по этому поводу взглядах. Их, по мнению Н. Э. Масанова, можно свести к трем гипотезам: о доклассовой стадии общественного развития; о раннеклассовой стадии; о феодальной стадии. В какой-то степени (однако не целиком) с таким мнением можно согласиться.

Отказываясь от «формационного», и присоединяясь к «цивилизационному» подходу в периодизации исторических этапов, Н. Э. Масанов выдвигает концепцию о том, что «логически обоснованным представляется нам выделение внутри аграрной цивилизации „номадного способа производства“ ...» (с. 223). Оставляя в стороне проблему формационного или цивилизационного подходов, что выходит за рамки задач настоящей рецензии, отмечу лишь, что если неоправданы попытки ряда авторов отнести номадизм к какой-либо формации, то многое также не ясно и с «аграрной цивилизацией». Как можно предположить, этот термин, обозначающий этап общественного развития, потребовался автору главным образом для того, чтобы предложить новое понятие «кочевая цивилизация казахов». Беды здесь никакой нет, но становится окончательно неясно, что такое «цивилизация», и необходимо дальнейшее обсуждение этого вопроса. Однако наиболее важно то, что Н. Э. Масанов присоединяется к выводу о кочевничестве, как «номадном способе производства». При этом думается, что содержание, которое было впервые вложено в данное понятие<sup>13</sup>, практически не отличается, вопреки утверждению Н. Э. Масанова на с. 223, от его собственной позиции, которую он формулирует следующим образом: «В наиболее обобщенной форме номадизм — это специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации, порожденный особенностями утилизации природных ресурсов среды обитания биологическими по своей сути средствами производства, т. е. скотом, и характеризующийся целостностью и взаимообусловленностью всего спектра общественных отношений прежде всего по поводу главного средства производства — скота» (с. 224).

Если говорить об оценке труда Н. Э. Масанова в целом, то можно с полным основанием утверждать, что это заметное и весьма положительное явление в литературе о номадизме. Обширные фактические данные, тщательный и корректный их анализ делает большую часть выводов автора вполне обоснованными и вносящими существенный вклад в теорию номадизма. Неизбежные в рецензии замечания не касаются в принципе основ тех выводов, к которым приходит Н. Э. Масанов в своей книге, которую хочется рекомендовать читателям. Наиболее, пожалуй, существенное пожелание связано с проблемой выработки терминов и понятий, более соответствующих специфике номадного способа производства, чтобы заменить те, которые связаны с совершенно иными общественными условиями.

### Примечания

<sup>1</sup> Марков Г. Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976; см. также: Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. 1990. № 2; Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.

<sup>2</sup> См. об этом рецензию К. П. Калиновской на книгу Н. Н. Крадина. Кочевые общества. Владивосток, 1992 // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.

<sup>3</sup> См. рассуждения Н. Э. Масанова относительно «генеалогического» принципа общественной организации номадов, о чем писалось и ранее: см. Марков Г. Е. Кочевники Азии.

<sup>4</sup> См. например: Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953; Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961; Марков Г. Е. Кочевники Азии; его же. Некоторые проблемы возникно-

вения и ранних этапов кочевничества в Азии//Советская этнография. 1973. № 1; Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989 и др.

<sup>5</sup> См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Глава VI.

<sup>6</sup> См.: Марков Г. Е. Развитие современной германской этнологии//Этнография за рубежом. М., 1979. С. 166, 167.

<sup>7</sup> Ср. Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации//Вестник МГУ. Серия 8. История. 1983. № 5.

<sup>8</sup> Семенов Ю. И. О некоторых проблемах первобытности//Советская этнография. 1968. № 4.

<sup>9</sup> Ср.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 312, 313.

<sup>10</sup> Там же. С. 288 и сл.

<sup>11</sup> Например: Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 241—279.

<sup>12</sup> Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVIII — начале XX в. Алма-Ата, 1959 (2-ое изд. 1971).

<sup>13</sup> Марков Г. Е. Кочевники Азии... Автореф. дис. д-ра ист. наук.; см. также: Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы...

Г. Е. Марков

\* \* \*

Книга Н. Э. Масанова охватывает широкий спектр проблем, связанных с исследованием номадизма; в ней рассмотрены и система материального производства, и общественные отношения. Хотя книга посвящена кочевничеству у казахов, автор привлек огромный материал, относящийся к разным народам и эпохам, начиная с возникновения кочевничества. Подчеркивая, что «... ни по одному из вопросов истории номадизма среди исследователей нет единства мнений и общности подходов» (с. 163), Н. Э. Масанов стремится дать свою оценку высказанным гипотезам, решительно отвергая все, что, на его взгляд, противоречит фактическим данным.

Появление номадизма, считает автор, может быть понято только при учете особенностей природной среды: «Среди основных факторов, которые детерминировали возникновение номадизма, следует выделить прежде всего природно-климатические» (с. 29). Особенности окружающей среды и в дальнейшем были главным условием существования кочевничества, ибо оно «оставалось единственно возможным и наиболее оптимальным способом жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны Евразии» (с. 73). Ограничения, которыми природа определяет хозяйственные занятия человека, сохраняются и в современную эпоху: «... Процессы седентаризации в ареальных экосистемах принципиально невозможны... и никогда в исторически обозримое время не имели места... В ареалах номадизма оседание никогда не имело природной и материальной базы и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству...» (с. 42). Здесь трудно что-либо возразить. Целесообразность экстенсивного скотоводства в аридной зоне очевидна, поэтому современные концепции государственной экономики должны быть направлены не на устранение кочевничества, а на поиски наиболее разумных форм приспособления номадных обществ к условиям технологической цивилизации.

Огромный интерес представляют разделы книги, в которых подробно рассмотрен производственный цикл кочевого хозяйства. Автор останавливается на биологических особенностях животных, которые по существу определяют характер производственных работ, их специфику в разное время года. Убедительно обоснована мысль о взаимозависимости видов животных, с древности составляющих стада кочевников (овцы, козы, лошади, верблюды и крупный рогатый скот). Приведенные в книге материалы разъясняют, чем вызван раздельный выпас разных видов животных, неодинаковый характер перекопки и организации труда в целом в разные сезоны, раздельное содержание лошадей и других видов скота зимой и т. д. Без этих сведений, раскрывающих сам механизм хозяйственной деятельности, кочевничество просто не понять. В книге Н. Э. Масанова впервые дана столь полная и детальная картина производственного цикла номада. Критикуя предположения некоторых ученых, выделявших стадии, которые будто бы проходило в своем развитии кочевничество (с. 39—41), автор хорошо показывает уязвимость теорий, сконструированных без учета конкретных потребностей материального производства. Процесс труда, по его мнению, должен быть положен и в основу типологии кочевого хозяйства. Он считает наиболее правильной типологию, отражающую особенности водопользования: «...именно наличие водных источников определяло самую возможность существования номадизма» (с. 79). «Можно говорить о двух типах кочевого скотоводческого хозяйства: во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования» (с. 80). Обосновывая такую типологию, Н. Э. Масанов разъясняет, как влиял каждый способ водопользования на характер производственной деятельности, на производственные отношения в среде номадов.

Производственный цикл номада Н. Э. Масанов связывает не только с природной средой. Условием повседневной работы скотовода являются и устоявшиеся отношения между группами людей: «... Сам факт сезонной организации процесса производства, а следовательно, сезонного использования пастбищных угодий, является, на наш взгляд, ярким доказательством естественно и объективно существующей системы регулирования поземельных отношений в масштабах всего номадного общества» (с. 87).

Исследователи социальных отношений в кочевой среде теперь обязаны будут принимать во внимание взгляды Н. Э. Масанова на особенности общественной структуры номадов. Его отказ от термина «родо-племенная организация» с заменой его термином «патронимическая организация» (с. 145) может и не получить поддержку коллег, так как «патронимия» имеет иное содержание, и лучше не вносить путаницу в язык науки, наделяя устоявшиеся термины новым смыслом. Однако термин